

УДК 343.825:94(47)"18/19"

ТЮРЬМА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ЕЕ ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

С.В. Шебалков

Аннотация

В статье рассматривается специфика внутреннего режима российских тюрем сквозь призму его исправительного воздействия на заключенных. Автор анализирует различные факторы, влияющие на успешность решения законодательно закрепленной задачи по превращению тюрьмы в исправительное учреждение. Представлены точки зрения ведущих отечественных правоведов конца XIX – начала XX в. по данному предмету. Автор приходит к выводу, что неудачи в деле исправления арестантов в пенитенциарных учреждениях были вызваны целым комплексом причин.

Ключевые слова: тюрьма, арестант, политические заключенные, пенитенциарная система, исправительное воздействие, исправление, заключение.

Задача исправления преступников, являясь одной из приоритетных в уголовно-исполнительной системе России, требует тщательного изучения исторического опыта, накопленного в этой сфере в предшествующую эпоху. К концу XIX в. тюремное заключение в Российской империи обретает статус ведущей карательной меры самодержавия, отобрав пальму первенства у ссылки. Российское пенитенциарное законодательство конца XIX – начала XX в. подразумевало осуществление тюрьмой главным образом двух основных функций: карательной и исправительной. Последняя была законодательно закреплена в 226 ст. Устава о содержащихся под стражей (изд. 1890 г.) (I). Вполне естественно, что от тюрьмы не ждали нравственного перерождения человека: это было недостижимо в рамках карательного учреждения. Предполагалось, что тюремное заключение способно благотворно повлиять на формирование таких качеств личности, как любовь к труду, осознанное отношение к жизни, умение сдерживать свои душевные порывы, подчиняться начальству и т. д. Однако практика показывала, что даже в такой форме осуществление исправительной миссии тюрьмы наталкивалось на многочисленные препятствия.

Весьма характерно, что государство воспринимало нарушителей уголовного закона преимущественно как индивидов с пошатнувшейся нравственностью. В полном соответствии с таким предположением «исправление» достигалось «постоянным надзором за заключенными, размещением их по роду преступлений и обвинений, наставлением их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, занятием их приличными упражнениями и заключением провинившихся или буйствующих из них в уединенное место» [1, с. 10]. Однако

ввиду того, что исправительная деятельность тюрем практически никак не регламентировалась, эти меры применялись хаотично и чаще всего не приносили успеха. Необходимые шаги по выстраиванию верной стратегии отношения к заключенным на рубеже XIX – XX вв. еще находились в стадии формирования.

Современная историография рассматриваемого вопроса не столь обширна, однако она включает работы, посвященные различным аспектам отечественной пенитенциарной системы. В трудах В.И. Алексеева, Н.И. Биюшкиной, Л.Ф. Пертли, М.В. Сорокина и др. рассматриваются такие важные стороны тюремной жизни, как церковно-воспитательное воздействие на заключенных, их материально-бытовое обеспечение, санитарное состояние тюрем, правовая поддержка функционирования пенитенциарной системы. Особенно значимой в контексте изучаемой темы видится работа В.И. Алексеева «Духовно-нравственное воздействие на арестантов и его правовое регулирование (1879–1917 гг.)», в которой автор исследует роль религиозного просвещения в деле исправления арестантов. В настоящей же статье исправительное влияние на заключенных рассматривается в более широком контексте тюремного режима, выступающего вместе с присущей ему системой дисциплинарных взысканий и поощрений в качестве важнейшего исправительного средства.

Непосредственная задача по нравственному влиянию на арестантов была возложена на тюремного священника. Круг его обязанностей, помимо проведения церковных обрядов и нравственных бесед с арестантами, включал также заведование тюремной библиотекой, обучение заключенных Закону Божьему и элементарной грамоте (если в штат тюрьмы не входил учитель). Отмечая особую роль тюремного священника в осуществлении религиозно-нравственного воспитания заключенных, известный российский правовед Н.С. Таганцев тем не менее требовал, чтобы тот «...не был чиновником в рясе, а действительным пастырем, словом и делом стремящимся быть руководителем своей паствы» [2, с. 1235]. Опасения Н.С. Таганцева были не напрасны. Арестанты в своей массе крайне настороженно, а порой и просто враждебно относились к тюремным священникам, что делало работу последних малопродуктивной.

Исправительным средством считался и арестантский труд. Работы могли быть как внутренними, в пределах тюремной ограды, так и наружными, а их продолжительность по закону не должна была превышать 11 часов в сутки летом и 10 часов зимой (см. (I, ст. 351)). Вознаграждение заключенных составляло от 1/10 до 4/10 части от заработанной суммы. Оставшаяся часть суммы делилась на две части, из которых одна шла в пользу казны, а другая – в пользу тюрьмы (см. (I, ст. 359)). Тюремные работы, хоть и были выгодны с экономической точки зрения, поскольку позволяли занять огромную массу арестантов и увеличить бюджет тюремных учреждений, не могли служить надежным средством исправления заключенных: сказывались подневольный характер работ, полная зависимость работающих от воли тюремного начальства и явно недостаточное вознаграждение за труд.

В юридической среде рассматриваемого периода не сложилось единого мнения по вопросу об осуществлении тюрьмой исправительной функции. Большинство российских правоведов конца XIX – начала XX в. считали имеющиеся в распоряжении государства «исправительные» средства неэффективными. Так

профессор С.В. Познышев полагал, что хорошо организованная тюрьма содержит в себе средства нравственного подъема. Неудачи в деле исправления он связывал с плохой организацией тюремного режима и системы управления тюрьмами (см. [3, с. 23–25]). В противоположность этому Н.С. Таганцев считал, что тюрьма неспособна нравственно исправить арестанта: «Для этого и сам арестант представляется материалом непригодным, и орудия – органы управления, за редкими разве изъятиями, недостаточно подготовленными» [2, с. 1189]. Однако, как скоро выяснится, несовершенство пенитенциарной системы было не единственной причиной неудачи исправительной миссии тюрьмы. Чтобы разобраться во всех тонкостях вопроса, рассмотрим более подробно условия содержания заключенных в тюрьмах страны.

К концу XIX в. в Российской империи существовали места заключения гражданского ведомства семи основных типов: тюремные замки (губернские, уездные, областные), исправительные арестантские отделения, каторжные тюрьмы, пересыльные тюрьмы, арестные помещения, арестантские помещения при полиции, а также воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних (см. (I, ст. 2)). Исключая последний из перечисленных типов пенитенциарных учреждений, традиционно стоявший особняком, рассмотрим соотношение всех остальных (данные за 1900–1905 гг.): каторжных тюрем – 18; исправительных арестантских отделений – 36; тюрем в столицах, губернских и областных городах – 98; уездных тюрем – 626; арестных домов – 714; специальных следственных тюрем – 2; пересыльных тюрем – 4. Всего (без учета этапов и полуэтапов) – 1498 мест заключения (см. [4, с. 473]). Численность тюремного населения империи была стабильно высокой и к январю 1882 г. достигала 93108 человек (см. [5, с. 11]). Пик пришелся на период первой русской революции: «В 1905 г. среднее ежедневное число тюремных сидельцев в России определялось в 85000, в 1906 г. оно равнялось 111000, в 1907 г. – 138000, в 1908 г. – 170000» [6, с. 81].

Уголовное законодательство империи предусматривало различные виды наказания, связанные с лишением свободы, различающиеся как степенью суровости режима содержания под стражей, так и сроком заключения. Высшей степенью наказания (и второй по тяжести после смертной казни) была каторга, низшей – арест на срок до 6 месяцев. Обычным явлением для российских мест заключения являлась ситуация, при которой в стенах одной тюрьмы содержались арестанты, приговоренные к разным видам заключения, а также подследственные. Такое положение дел С.В. Познышев объяснял следующими причинами: 1) отсутствием домов предварительного заключения (кроме Санкт-Петербургского); 2) несоответствием между количеством мест заключения разного типа и числом присуждаемых к различным видам заключения арестантов; 3) переполнением тюрем арестантами (см. [3, с. 144]). В то же время логично предположить, что цели исправительного воздействия на заключенных с большей эффективностью служила бы специализация тюрем по содержанию лиц, присужденных к конкретным видам заключения. Отсутствие такой специализации свидетельствовало о несовершенстве пенитенциарного законодательства и усложняло ситуацию с тюрьмами на местах.

Выражением специфики того или иного вида заключения по уголовному законодательству служил способ размещения арестантов, подразумевающий

содержание их в общих или одиночных камерах. Наиболее распространенным был режим общего заключения. Как правило, общие камеры устраивались на 20–25, а иногда на 50 и более заключенных (см. [3, с. 61]). В общем заключении содержались лица, приговоренные к каторжной тюрьме, крепости и арестному дому. Устав о содержащихся под стражей предписывал отдельное содержание в местах заключения гражданского ведомства мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых, а также лиц привилегированных сословий и простолюдинов. В то же время размещение арестантов по камерам не подчинялось какому-либо общему порядку. В результате в одной общей камере могли содержаться закоренелые преступники и лица, оказавшиеся в заключении за совершение незначительных преступлений. Это негативно сказывалось на моральном облике «менее испорченных» заключенных.

Заключение в одиночной камере считалось одним из важных средств исправительного воздействия на заключенных. Подразумевалось, что предоставленный самому себе арестант мог в полной мере осознать тяжесть совершенного преступления и раскаяться. В то же время в прессе на рубеже XIX – XX вв. неоднократно отмечались недостатки одиночной системы заключения, которые, очевидно, перевешивали ее достоинства. «...На наш взгляд, – писал в 1898 г. В. Жижин, – одиночная система пригодна только на короткие сроки и как дисциплинарное наказание арестантов; для долгосрочных же заключенных она не должна быть рекомендуема, так как хотя исправительное ее значение очень велико, но, как показывает практика западноевропейских одиночных тюрем, преступник, выходя из долгосрочного одиночного заключения исправившимся, нередко уносит в душе своей зачатки душевной болезни и, во всяком случае, становится человеком с резко изменившимся характером, с мрачными взглядами на жизнь. Такие результаты вовсе не желательны...» [7, с. 632]. Содержанию в одиночных камерах подлежали арестанты, приговоренные к тюрьме, исправительному дому, а также в некоторых случаях к аресту. Подобный режим содержания применялся также к подследственным арестантам.

В условиях слабости законодательной базы, определяющей условия жизни заключенных, а также непоследовательности и противоречивости поступающих сверху циркулярных распоряжений правила внутреннего распорядка в тюремных учреждениях определяла в конечном счете местная тюремная администрация. Возглавлял ее начальник места заключения, являющийся штатным государственным чиновником. Власть начальника в пределах вверенного ему учреждения была огромной, что почти неизбежно вело к произволу с его стороны. Вот как один из политических арестантов Херсонской каторжной тюрьмы в своем письме, датированном 1914 г., характеризовал деятельность на посту начальника тюрьмы некоего И.И. Колтуновича. «При вступлении в роль начальника, – пишет автор письма, – первым его дебютом было то, что была вызвана конвойная команда под ворота тюрьмы, и ими было потребовано, чтобы заключенные на прогулке маршировали по-военному. Заключенные протестовали, отказывались от прогулки, но через несколько дней сдались и стали ходить на прогулки, правда, без маршировки в паре. Но это было только начало, только цветочки, а ягодки предстояли и действительно оказались впереди. Начался целый ряд мелочей: сегодня отобрали собственную обувь, через день-два белье,

книги, ограничена выписка, перетасовка по камерам людей для выделения козлиц от овец и т. д. до самых мельчайших мелочей» (II, л. 2).

Если добавить к этому плачевную санитарную обстановку в тюремных учреждениях, то картина быта заключенных становится еще более ужасающей. «Камеры переполнены, – пишет каторжник из Херсона, – где могло помещаться 15–20 человек – находилось 40–50. Тиф в тюрьме завелся еще в марте 1908 г., а при столь рьяной помощи со стороны Колтуновича к августу он развернулся с ужасающей скоростью и мощью. Не было того дня, чтобы не вынесли 4–5 умерших из тюрьмы, общее население которой колебалось от 650 до 750. А бывали дни, в которые выносили по целому десятку умерших» (II, л. 2–3). Причинами развития в среде арестантов тяжелых заболеваний, в том числе цинги, тифа, холеры, чашотки и др., как правило, были непоследовательная политика тюремного руководства и низкое качество медицинского обслуживания.

Важно отметить, что любое наказание, связанное с лишением свободы, помимо причиняемых им физических и моральных страданий, ложилось на арестанта клеймом позора, создавая ему весьма существенные неудобства и после окончания срока заключения. Указанное обстоятельство было особенно весомым в том случае, если наказание было связано с лишением прав. Существовало даже официальное разделение наказаний на «позорящие» и «непозорные». К первым относились каторга, заключение в исправительном доме и в тюрьме. Вторую категорию составляли заключение в крепости и арест. Как бы то ни было, человека, побывавшего в местах не столь отдаленных, общество воспринимало как своего недостойного члена, как лицо, испортившее свою репутацию. Все это, на наш взгляд, уже в зародыше обрекало на неудачу исправительные мероприятия, проводимые в стенах тюремных учреждений.

Пожалуй, никто из отечественных правоведов рубежа XIX – XX вв. не продвинулся так далеко в изучении проблемы применения на практике исправительных мер по отношению к арестантам, как С.П. Мокринский. Считая принципиально невозможным нравственное исправление взрослого преступника в стенах тюрьмы, он предлагал ограничить исправительные задачи наказания. Так, по Мокринскому, «исправительные усилия карательной власти не должны быть затрачиваемы: 1) на тех, кого нельзя исправить средствами, имеющимися в распоряжении этой власти, 2) на лиц, не нуждающихся в исправлении, и 3) на обезвреживаемых механически» [8, с. 124]. К первой из выделенных категорий автор относит, например, осужденных за преступления политического или религиозного характера: «Тюрьма не может сообщить веры в религиозный догмат, внушить определенное политическое убеждение или воспитать нравственное чувство» [8, с. 122–123]. Вторую категорию, по мнению ученого, составляют случайные преступники. Что же касается третьей категории, то к ней должны были относиться те, кто «пожизненно исключен из общества самим судебным приговором» [8, с. 129]. На кого же в данном случае должно распространяться исправительное воздействие тюрьмы?! Таковыми С.П. Мокринский считал лиц, совершивших корыстные имущественные преступления (кражи, разбой, грабеж, мошенничество, шантаж, подделку денежных знаков, подлог в актах и обязательствах и др.) (см. [8, с. 130]).

Изучение концепции С.П. Мокринского наталкивает на мысль о том, что неудачное решение тюрьмой исправительных задач было вызвано причинами более высокого порядка, нежели простое неустройство тюремной системы. Эти причины были порождены особенностями государственного и общественного строя Российской империи. Первая в ряду таких причин была уже высказана С.П. Мокринским: пенитенциарное законодательство не предусматривало никакой индивидуализации мер морального воздействия на арестантов. Подобные меры (религиозно-нравственные наставления, трудовая деятельность, система поощрений и наказаний, функционирующая в рамках режима заключения и т. д.) автоматически распространялись на всех без исключения преступников. Личность отдельно взятого арестанта банально игнорировалась. Другой существенной причиной являлся классовый подход к исполнению уголовных наказаний. Заключенные привилегированных сословий (дворяне, чиновники и члены их семей, лица духовного звания) имели ряд преимуществ по сравнению с лицами простого состояния. Они были освобождены от телесных наказаний, содержались отдельно от арестантов прочих категорий, а также имели лучший по сравнению с ними стол. Помимо этого, специфику режима содержания арестантов определяла их принадлежность к категории общеуголовных или политических. На разнице в положении этих двух категорий заключенных есть смысл остановиться особо.

В категорию общеуголовных арестантов входили лица, осужденные на различные сроки наказания за совершение уголовных преступлений. Как правило, это были представители непривилегированных сословий (крестьянства, мещанства). Режим содержания общеуголовных арестантов подразумевал меры, унижающие человеческое достоинство. К таковым следует отнести в первую очередь наложение кандалов и телесные наказания. Устав о содержащихся под стражей предписывал накладывать кандалы на каторжников при вступлении приговоров о них в законную силу, а также на арестантов всех категорий в случае опасений, что они совершат побег (I, ст. 237, 407). Подобная не вполне ясная формулировка, несомненно, открывала широкий простор для произвола со стороны тюремного начальства. В то же время правоведы считали эту меру историческим анахронизмом, остатком давно прошедших грубых и суровых нравов (см. [9, с. 57]). Что касается телесных наказаний, то они продолжали применяться и в начале XX в. Наказанию розгами за различные проступки подлежали заключенные, содержащиеся в исправительных арестантских отделениях (с разрешения губернатора), а также ссыльнокаторжные и ссыльнопоселенцы. Число ударов варьировалось от 30 до 100. Кроме того, к ссыльнокаторжным в случае совершения ими новых преступлений применялось наказание плетью (до 100 ударов) с последующим приковыванием их к тачке (см. [10]). Эти последние меры, а также позорное бритье половины головы каторжникам были отменены в 1903 г.

Режим исправительных арестантских отделений (в которых содержались, как правило, лица простого состояния) подразумевал разделение заключенных на отряды «испытываемых» и «исправляющихся». Для перевода в отряд «исправляющихся» арестант должен был отличаться «добрым поведением, исполнением обязанностей веры и прилежанием к труду или успехами в изучении мастерства» (I, ст. 312). «Исправляющиеся» носили особую одежду и могли быть допускаемы

администрацией мест заключения к надзору за работой других арестантов (см. (I, ст. 314, 316)). Подобное разделение было характерным и для каторжников.

Как видим, покорность заключенных администрации и соблюдение ими норм тюремного режима рассматривались как первейшие и главные признаки исправления. Пожалуй, такой взгляд был как минимум необъективен. Ведь на практике даже закоренелый преступник мог стать образцовым арестантом, пользующимся расположением начальства. В этом случае его ожидали поощрения, как например: расширение права переписки, увеличение числа свиданий, право покупать продукты в тюремной лавке и др. Против провинившихся активно использовались дисциплинарные меры. К таковым относились выговоры, ограничение и лишение права свиданий, переписки, покупок в тюремной лавке, лишение части заработанных денег, ухудшение питания вплоть до оставления на хлебе и воде, временное содержание в одиночной камере, сечение розгами, заключение в светлом или темном карцере (см. [3, с. 205]). Хорошей иллюстрацией результативности исправительного воздействия на общеуголовных арестантов может служить статистика рецидивов. Так, по данным С.П. Мокринского, на 100 осужденных общими судами процент рецидивистов составлял: в 1879–1883 гг. – 20.8%; в 1884–1888 гг. – 23.1%; в 1889–1893 гг. – 22.8% (см. [8, с. 93]).

Политические арестанты составляли особенную категорию тюремного населения, что было обусловлено важностью объекта их преступного посягательства – существующего в государстве общественного строя и образа правления. Такие заключенные содержались отдельно от уголовных, преимущественно в одиночных камерах. Среди политических арестантов традиционно высоким был процент лиц привилегированных, и это предопределяло особенности режима их содержания. Например, нормой было обращение к ним на «вы» со стороны чинов тюремной администрации. Физический труд для них был запрещен или же ограничен, что, вероятно, было вызвано опасениями, что «политики» могли как-нибудь повлиять на других арестантов (см. [5, с. 30]). Кроме того, политическим заключенным из привилегированных сословий разрешалось питаться не из общего арестантского котла, а за свой счет (непривилегированным политзаключенным подобное воспрещалось).

Положение политических каторжников было сложнее. Эту группу нередко составляли лица, совершившие преступление политического характера по совокупности с уголовным (например, убийство по политическим мотивам). Содержались они преимущественно в общем заключении и испытывали моральные и физические страдания, ярко описанные упомянутым уже узником Херсонской каторжной тюрьмы: «Избиения производились по раз установленному шаблону: утром, перед обедом или вечером вваливается во двор тюрьмы толпа в 30–40... надзирателей и направляется в корпус. Вся эта озверелая от своего ремесла банда вооружена кроме кулаков и револьверов кусками железа, которыми обстукивают решетки... Направляются на один из коридоров. Открывается дверь камеры и раздается грозный окрик старшего: “А ну, выходи!” с соответствующим обстановке потоком самой циничной, грязной ругани. <...> Так вот, в лучшем случае окажется только несколько человек, получивших затрещины или толчки в бок чем попало, а в худшем, т.е. если кто в камере чем-

либо провинился, надзор выстраивается в две шеренги и как только выходят из камеры, подхватывают и пропускают сквозь строй по всему коридору, избивая чем кому из них любо... до потери сознания» (II, л. 4–5).

Специфичными чертами режима содержания политических арестантов были строгий надзор за ними и полная изоляция от внешнего мира. Чтобы лишить «политических» духовной связи с «волей», им было запрещено получать свежие газеты и журналы. В то же время отношение к таким лицам в обществе часто было сочувственным. Общественное настроение, по словам М.Н. Гернета, вынуждало власть идти на некоторые уступки. В виде исключения «политикам» было разрешено заниматься за решеткой умственным трудом, хотя и в ограниченных масштабах (см. [5, с. 30]). Как мы уже успели убедиться, положение политических арестантов в тюрьмах империи было поставлено в зависимость от их сословной принадлежности и вида заключения.

Венцом исправительно-воспитательного воздействия на арестантов в рамках пенитенциарных учреждений должно было стать условно-досрочное освобождение (УДО), которое вводилось законом от 22 июня 1909 г. На УДО могли рассчитывать заключенные, приговоренные к тюрьме, исправительному дому или исправительному арестантскому отделению, в случае, если они отбыли не менее 3/4 определенного им судебным приговором срока наказания (но не менее 6 месяцев). Основанием для УДО должно было служить «одобрительное поведение» арестантов, дающее основания предполагать, что «по освобождении из заключения они будут вести добропорядочный образ жизни» (I, ст. 416–417). Таким образом, сам факт освобождения преступника, по словам В.И. Алексеева, должен был рассматриваться как презумпция исправления (см. [11, с. 251]).

Обсуждение законопроекта об УДО в Государственной Думе 3-го созыва обернулось дебатами, в ходе которых были высказаны весьма интересные идеи по поводу грядущей реформы. Например, казанский депутат С. Максуди предлагал «создать особую должность наблюдателя, который подчинялся бы непосредственно министерству, а не тюремному начальству, и, таким образом, имел бы более объективное суждение о заключенных» [12, с. 117]. Однако это предложение не было одобрено. О перспективах введения УДО С.В. Познышев писал: «Применение у нас условного освобождения сильно тормозится двумя обстоятельствами: во-первых, недостаточным благоустройством наших тюрем, а во-вторых, почти полным отсутствием у нас патроната» [3, с. 130]. По мысли законодателя, инициатива ходатайства об УДО должна была исходить от тюремной администрации. Сама же процедура условного освобождения была достаточно громоздкой. В первой инстанции вопрос об УДО должен был приниматься особым совещанием в составе мирового судьи, лица прокурорского надзора, представителей местной полиции, тюремной инспекции и попечительного о тюрьмах общества при участии тюремного священника. Затем их решение должен был утвердить окружной суд (см. [13, с. 387]). Так или иначе, УДО в дореволюционной России имело весьма ограниченные масштабы и низкую эффективность.

Таким образом, задача исправления заключенных, поставленная государством перед тюрьмой, вполне закономерно не была достигнута, что во многом было предопределено особенностями государственного и общественного строя России. На провал исправительной миссии тюремных учреждений повлиял целый

комплекс причин, среди которых, по нашему мнению, особо следует отметить следующие: 1) отсутствие внимания к личности отдельно взятого арестанта; 2) классовый по своей сути характер наказания; 3) применение дисциплинарных мер, порочащих человеческую личность и оборачивающихся прямым насилием над нею. К выделенным причинам добавились иные, связанные с несовершенством отечественной пенитенциарной системы: постоянное переполнение тюрем; смешение в них арестантов, приговоренных к разным видам заключения; низкая квалификация и произвол чинов тюремной администрации; недостаточная гибкость пенитенциарного законодательства и др. Исправительная деятельность тюрем не была законодательно регламентирована, оставалась своего рода придатком к характерным для царской тюрьмы целям устрашения и борьбы с идейными противниками режима.

Summary

S.V. Shebalkov. Russian Prisons in the Late 19th and Early 20th Century and Their Corrective Significance.

The article studies the peculiarities of internal regime in Russian prisons in terms of its corrective effect on prisoners. The author analyzes various factors influencing the successful solution of the legislative problem of transformation of prison to a correctional institution. The views of well-known Russian jurists of the late 19th and early 20th century on this subject are considered in this paper. The differences in the position of criminal and political prisoners are also mentioned. The author comes to a conclusion that failures in the correction of prisoners in the penitentiary institutions were caused by a whole complex of reasons.

Keywords: prison, prisoner, political prisoners, penitentiary system, corrective effect, correction, imprisonment.

Источники

- I – Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей. Изд. 1890 г. // Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», 1912. – Т. 14. – С. 148–227.
- II – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6813 (Комитет помощи политическим каторжанам им. В.Н. Фигнер в Париже). Оп. 1. Д. 99.

Литература

1. *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. – М.: Вердикт-ИМ, 1999. – 448 с.
2. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. – СПб.: Гос. тип., 1902. – Т. 2. – 643 с.
3. *Познышев С.В.* Очерки тюремоведения. – М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. – 302 с.
4. *Стремухов А.М.* Краткий очерк мероприятий в области тюремного дела в России за период с 1900 по 1905 гг. // Тюремный вестник. – 1905. – № 7. – С. 473–498.
5. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. – М.: Госюриздат, 1952. – Т. 3: 1870–1900 гг. – 400 с.
6. *Мякотин В.* Строительство обновленной России // Русское богатство. – 1909. – № 4. – С. 79–99.

7. *Жижин В.* К вопросу о реформе тюрем в России // Тюремный вестник. – 1898. – № 12. – С. 616–633.
8. *Мокринский С.П.* Наказание. Его цели и предположения: в 3 ч. – М.: Унив. тип., 1902. – Ч. 1: Общее и специальное предупреждение преступлений. – 157 с.
9. *Гогель С.* О наложении оков на арестантов // Тюремный вестник. – 1893. – № 2. – С. 53–61.
10. Телесные наказания // Энцикл. слов. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/099/99980.shtml>, свободный.
11. *Алексеев В.И.* Духовно-нравственное воздействие на арестантов и его правовое регулирование (1879–1917 гг.) // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 246–252.
12. *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 495 с.
13. *Полянский Н.Н.* Применение закона о досрочном освобождении в Москве // Полянский Н.Н. «Русское уголовное законодательство о стачках» и другие статьи по уголовному праву. – М.: Изд-во «В.И. Знаменский и К», 1912. – С. 386–391.

Поступила в редакцию
10.11.13

Шебалков Сергей Викторович – аспирант кафедры истории России и стран ближнего зарубежья, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: sergei.shebalkov@gmail.com